

В.А. Боярский

Сибирский независимый институт, Новосибирск

Газданов и дендизм: к постановке вопроса

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об использовании русским писателем-эмигрантом Гайто Газдановым дендизма как литературной (поведенческой) стратегии. Рассматриваются такие особенности дендистской субкультуры, отразившиеся в писательском образе Газданова, как спортивность, джентльменский кодекс поведения, клубная культура, следование характерным поведенческим императивам, эксклюзивизм, борьба с пошлостью, «стоицизм».

The paper raises the question of using dandyism as a literary (behavioural) strategy by the emigrant Russian writer Gayto Gazdanov. Consideration is given to such peculiarities of the dandyistic subculture reflected in Gazdanov's literary image as sportsmanship, gentleman's code of behaviour, club culture, compliance with definite behavioural imperatives, exclusivism, struggle with vulgarity, «stoicism».

Ключевые слова: Гайто Газданов, денди, дендизм, литературная, поведенческая стратегия.

Gazdanov Gayto, dandy, dandyism, literary, behavioural strategy.

УДК: 82.09

Контактная информация: Новосибирск, ул. Северная, 23/1. СНИ, кафедра философии и социально-гуманитарных наук. Тел. (3832) 2281170. E-mail: boyarski@ngs.ru.

*Дендизм – это последняя вспышка героизма
в эпоху всеобщего упадка
Ш. Бодлер. Поэт современной жизни*

Тема «Газданов и дендизм», насколько нам известно, еще не привлекала исследовательского внимания. Причина достаточно очевидна: такое сопоставление не лежит на поверхности. Данная статья является первой попыткой доказать тот факт, что одной из литературных (в широком смысле) стратегий для Гайто Газданова был дендизм.

Для начала объясним ту логику, которая закономерным образом привела к данной теме. Рассматривая фигуру писателя-эмигранта, довольно скоро понимаешь тяжелейшее положение, в котором находится человек, пытающийся не просто выжить в чужой культуре, но и состояться как писатель. Сам Газданов писал об этом так: «Только чудо могло спасти это молодое литературное поколение; и чуда – еще раз – не произошло. Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долголетних испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, – оно было обречено» [Газданов, 2009, т. 1, с. 751–752]. Однако «обреченное поколение» все же состоялось, дав миру такие фигуры, как В. Набоков, Б. Поплавский и Г. Газданов. И каждый случай этого литературного *résistance* достоин отдельного рассмотрения. Что же помогло «остаться в живых»? Думается, не только талант, но и пра-

вильная литературная и жизнестроительная стратегия, включающая в себя опору на определенную традицию, на набор литературных масок, которые позволяют писателю существовать в самых неблагоприятных условиях. Какую же традицию использовал Газданов? Ответ, думается, можно получить, изучив его литературный «канон», в котором мы находим, среди прочих, Плутарха [Газданов, 2009, т. 5, с. 434]), Ш. Бодлера и М. Пруста. Этим писателей объединяет и то, что первый написал биографию ярчайшего античного «денди», Алкивиада, а два последних сами являлись денди. Мы предположили, что дендизм оказался подходящей литературной маской для писателя и определил многие особенности его поведения. Результаты этого предположения и составляют содержание нашей работы.

Исследовательница дендизма О. Вайнштейн пишет: «Изначально дендизм возникает как особая модификация английских традиций щегольства и джентльменства, а с 1820-х годов становится общеевропейской модой, сохраняя, впрочем, исходный набор таких национальных черт, как сдержанный минималистский стиль в одежде, спортивность, клубная культура, джентльменский кодекс поведения» [Вайнштейн, 2006, с. 52]. Эта «английская мода» подразумевает еще некоторый неписанный набор правил, своего рода свод «нравственных императивов»: настоящих денди. К ним исследовательница относит: «Ничему не удивляться»; «Сохраняя бесстрашие, поражать неожиданностью»; «Удаляться, как только достигнуто впечатление» [Там же, с. 19]. В другом своем труде она дает несколько иной список: «1. сохранять невозмутимость; 2. поступать всегда неожиданно; 3. одеваться элегантно, но незаметно; 4. стремиться больше удивлять, чем нравиться» [Вайнштейн, 2000, с. 8].

Соотнесем эти особенности с поведением Газданова. Читатель может без труда догадаться, что Газданов англофил; это доказывается и тем «идеальным» образом англичанина, который с любовью обрисован на страницах его книг [Боярский, 2012], и его неоднократными высочайшими оценками английского народа [Газданов, 1996, т. 3, с. 753; Газданов, 2009, т. 4, с. 554]. Возможно, именно эта англофилия и стала эмоциональной основой выбора дендистской маски – и соответствующей стратегии. Все четыре особенности, охарактеризованные как исходный набор национальных черт, входящих в «английскую моду», мы находим в образе самого Газдановым: ему свойственна (1) традиционность в одежде (ни один из мемуаристов ничего не сообщает о каких-либо «странностях» его гардероба, чего совсем не скажешь о других персонажах «эмигрантской сцены»); (2) спортивность (М. Слоним: «...Любил спорт и физические упражнения: он часто показывал приятелям гимнастические трюки, особенно излюбленное им хождение вниз головой на руках» [Газданов, 2009, т. 5, с. 415]; А. Бахрах: «...Газданов был физически очень силен, весьма спортивен, в свое время был первоклассным пловцом и прекрасным гимнастом-любителем, каждое утро посвящая немалое время упражнениям, необходимым для развития мускулатуры» [Там же, с. 434]); (3) клубная культура (думается, так можно обозначить его масонскую деятельность; писатель вступает в масонскую ложу в 1930-е годы и в конце своей жизни достигает ступени Оратора); а (4) джентльменский кодекс поведения, несомненная порядочность – его яркая личная черта, о которой пишут многие мемуаристы [Там же, с. 417, 463], а также один из этических лейтмотивов его произведений и привычная характеристика его автобиографических героев.

Рассмотрим теперь специфические дендистские «императивы». Первый из них: «Ничему не удивляться» (другой вариант: «сохранять невозмутимость»). Бодлер в своем очерке упоминает это качество неоднократно: «Обаяние денди таится главным образом в невозмутимости, которая порождена твердой решимостью не давать власти никаким чувствам...» [Бодлер, 1986, с. 306]. О. Вайнштейн связывает это правило с предшествующим дендизму джентльменским кодексом поведения: «...Один компонент джентльменского кодекса, который непосредственно перекочевал в дендизм: это требование невозмутимости. «Истинный

джентльмен, тренируя волю, не должен проявлять свои чувства, особенно смущение или изумление» [Вайнштейн, 2006, с. 173]. Барбе д'Оревильи писал об этом следующим образом: «Дендизм поселяет античную невозмутимость среди современной суеты» [Барбе д'Оревильи, 2000, с. 91]. Античные корни данного правила – это «Nil admirari» Горация, которое так комментируется современным исследователем: «...При любых обстоятельствах сохранять ясное спокойствие духа, высшее благо, согласно этическому учению обеих философских школ, определивших мировоззрение Горация – эпикурейской и стоической...» [Бабичев, Боровский, 1982, с. 498]. Как же это качество проявляется у Газданова и его героев? И на каком биографическом фундаменте оно основывается? Думается, ответ на последний вопрос – в богатейшем жизненном опыте писателя, который и привел Газданова – в числе других выводов – к пониманию изменчивости бытия как фундаментального качества. Его герой в автобиографических «Ночных дорогах» (далее – НД) говорит: «Превращения, которые происходили с людьми под влиянием перемены условий, бывали настолько разительны, что вначале я отказывался им верить. У меня получалось впечатление, что я живу в гигантской лаборатории, где происходит экспериментирование форм человеческого существования, где судьба насмешливо превращает красавиц в старух, богатых в нищих...» [Газданов, 1996, т. 1, с. 491]. «Текучести» внешнего мира соответствует тотальная нестабильность мира внутреннего: «...Каждое утро, пробуждаясь, я смотрел со смутным удивлением на те же рисунки обоев на стенах моей комнаты... которые всякий раз казались мне иными, чем накануне, потому что от вчерашнего до сегодняшнего дня произошло множество изменений, и я знал, не думая об этом, что и я успел измениться, увлекаемый неощутимым и неудержимым движением» [Газданов, 1996, т. 2, с. 130–131]. О. Вайнштейн так пишет о подобной аналитической «дистанции»: «Такая способность дистанцироваться и как бы со стороны следить за своими переживаниями и выступает в качестве предпосылки дендистской философии. Она уже предполагает сложную автономию внешне сдержанного субъекта, который культивирует собственные эмоции, не теряя при этом аналитического контроля. Это стремление подняться над страданием – привычный тренинг невозмутимости, школа владения собой» [Вайнштейн, 2011, с. 6]. Всеобщая неустойчивость, скрытый хаос мира, очевидный герою-аналитику, на уровне поведения превращается в подчеркнутый порядок, невозмутимость, своего рода «ледяную маску», которую демонстрируют многие герои писателя (Шувалов в «Великом музыканте», Вольф в «Призраке Александра Вольфа» и др.).

Другой важной особенностью дендистской субкультуры становится умение одеваться «элегантно, но незаметно». Известный анекдот о Браммелле, в котором он на комплимент восхищенного поклонника по поводу своей одежды роняет: «Я не могу считаться элегантным, раз Вы отмечаете это» [Вайнштейн, 2006, с. 243], прекрасно иллюстрирует эту особенность. К сожалению, о вкусах Газданова в одежде мы можем узнать только из его собственных произведений (из описаний близких к автору героев) и фотографий: мемуаристы об этом не упоминали. В НД мы встречаем довольно показательный фрагмент, когда герой-рассказчик дает советы Федорченко относительно одежды: «Очень хорошо... Только галстук не надо завязывать таким маленьким узлом... и потом, не следует носить, по моему, туфли с лакированными носками. А в общем, конечно, великолепно» [Газданов, 1996, т. 1, с. 496]. Ирония финальной реплики подчеркивает ясное понимание героем всех «закономерностей» модного туалета.

«Поступать всегда неожиданно» – третий «кит» дендистского мира. Если манера одеваться у денди в каком-то смысле «ожидается» своими едва уловимыми отступлениями от привычной нормы, то само поведение денди – это в первую очередь «поле непредсказуемости». Денди, прежде всего, человек светский, и именно в нюансах его публичного поведения заложена его неотразимость. По мнению современной исследовательницы, можно выделить три особенности ден-

дистского поведения, особенно выпукло проявляющиеся на фоне светского совершенства денди: искусство «благородного скандала», особый вид «наглости» (de facto – резко ироническую манеру общения) и склонность к розыгрышам [Вайнштейн, 2006, с. 235–264]. Попробуем доказать, что все эти особенности были свойственны и поведению писателя. Мемуаристы почти единодушно отмечают такие характерные особенности публичного поведения писателя, как саркастичность, подчеркнутая ироничность, вызывающее поведение, легко переходящее в скандал. Г. Адамович вспоминает два скандальных «случая» с Газдановым: первый – в кружке «Зеленая лампа», где юный писатель перебивает оратора и маститого писателя Д. Мережковского, в квартире которого и происходят собрания кружка; о втором эпизоде Адамович рассказывает так: «Кто-то, говоря о поэзии, назвал имя Валерия Брюсова. Газданов поморщился и заметил, что, кажется, действительно был такой стихотворец, но ведь совершенно бездарный, и кому же теперь охота его перечитывать? С места вскочила, вернее, сорвалась Марина Цветаева и принялась кричать: «Газданов, замолчите! Газданов, замолчите!», – и, подбежав к нему вплотную, продолжала кричать и махать руками. Газданов стоял невозмутимо и повторял: «Да, да, помню... помню это имя... что-то помню!» [Газданов, 2009, т. 5, с. 412]. Отметим здесь сходство самой схемы «скандала»: юный писатель-денди с презрением и вызовом «сокрушает» кумира, рассчитывая на бурную реакцию своих старших и более признанных собратьев по цеху; их поведение – в сопоставлении с газдановским хладнокровием – оставляет победу за молодым писателем, тем самым на глазах меняя его иерархическое положение. Типичность этого поведения Газданова понятны из другого свидетельства Адамовича: «В довоенный период эмиграции что-то меня от Георгия Ивановича отдаляло, сближению мешало. Держался он вызывающе, в особенности на публичных собраниях, в то время в Париже очень многочисленных. Никаких авторитетов не признавал» [Там же, с. 411]. Это дендистское презрение к общепринятому становятся узнаваемым стилем писателя; М. Слоним пишет: «В его речах звучали не только задор, вызов и хлесткое остроумие: он действительно плыл против течения, не признавал авторитетов, не входил ни в какие эмигрантские группы и кружки и защищал свое право на независимость и свободу» [Там же, с. 415]. Такая позиция совершенно естественна для денди.

Другой чертой писателя являлась его страсть к мистификациям. К сожалению, мемуаристы сообщают лишь о самом факте увлечении писателя мистификациями и розыгрышами (так, Г. Адамович пишет о «склонности к разно-го рода шалостям» [Там же, с. 412], А. Бахрах лаконично сообщает: «Кстати, он любил всякие мистификации...» [Там же, с. 435]), единственным исключением оказывается рассказ М. Слонима: «Я был старше его, когда ему “стукнуло”, как он выражался, 25 лет, мне шел тридцать четвертый год, но Гайто считал меня “стариком” и посмеивался над моим преклонным возрастом, называл меня “светлой личностью” и с самым серьезным видом спрашивал меня в обществе малознакомых людей: “Вы ведь, Марк Львович, кажется, сотрудились еще в «Северной Пчеле»?»» [Там же, с. 417]. Итак, перед нами все три особенности дендистского «поля непредсказуемости»: вызывающее поведение («наглость»), искусство «благородного скандала» и склонность к розыгрышам.

Отметим здесь же, что почти все мемуаристы говорят о злой ироничности Газданова как о «светской» маске писателя, за которой скрывался совершенно иной человек. Остановимся на этих свидетельствах, так как факт этого «раздвоения» доказывает сконструированность, искусственность фигуры Газданова-денди. Г. Адамович пишет об этой двойственности: «Именно в эти годы (после войны. – В.Б.) я оценил его быстрый, своеобразный ум, его острое чутье и даже его *природную доброжелательность* (курсив мой. – В.Б.), ускользавшую от моего понимания... прежде» [Там же, с. 411]. М. Слоним вторит Г. Адамовичу: «Но я скоро увидел, что его резкая язвительность, резкие суждения о людях, книгах и полити-

ке и манеры прожженного циника были маской или, вернее, защитным механизмом очень чувствительного, даже сентиментального мечтателя, искавшего правды и веры и с трудом принимавшего “страшный мир”» [Газданов, 2009, т. 5, с. 417]. Л. Ржевский, знавший Газданова в последний период жизни писателя, пишет: «...Знал я словно бы *двух* Газдановых: того, что был у всех на виду, – Газданова, весьма иной раз критичного к ближнему... Газданова-скептика, любящего парадоксы, иронического в суждениях и рассказах. <...> И Газданова *второго*, у которого была и снисходительность к людским слабостям, и очень добрая, отзывчивая душа. Тоже – и тщательно, я бы сказал, почти ожесточенно скрываемое просто-душие, которое вдруг и промелькнет, и осветит человека по-новому» [Газданов, 2009, т. 5, с. 426–427]. Итак, наличие ироничной публичной «маски» писателя признается почти всеми мемуаристами.

Следующей дендистской чертой является «хамелеонство»: «В плане светского поведения для денди принцип хамелеонства означал свободу быть самим собой и вместе с тем искусно варьировать свой облик и манеры в зависимости от обстоятельств. Человек выступает режиссером своих собственных жизненных ролей и ведет себя согласно продуманному сценарию. Сценарий может быть рассчитан на эпатаж или на конформистское поведение...» [Вайштейн, 2006, с. 214–215]. Отсюда и метафора хамелеона, которая «устойчиво сопровождает культуру европейского дендизма XIX столетия» [Там же, с. 214]. Денди становится своего рода «светским сверхчеловеком», чья самоидентичность незыблема при любой маске. Крайний протезизм, соединенный с алмазной твердостью внутренним стержнем, стальная игла в облаке ваты – вот «агрегатное состояние» денди. В сущности, «хамелеонство» денди можно считать частным случаем рассмотренной выше дендистской тяги к мистификациям: за изменчивыми обликами, в которых денди снисходит до своей аудитории, очень трудно угадать истину. Один из эпизодов НД хорошо иллюстрирует это «хамелеонство» автобиографического героя, во время работы на фабрике научившегося «быть, как все»: «Резкую разницу, которая была между ними (рабочими. – *В.Б.*) и мной и которая невольно подчеркивала несуразность моего положения, мою неуместность на фабрике, я старался сглаживать, как мог, чтобы не привлекать постоянного внимания соседей, и через некоторое время я научился понимать и употреблять термины арго и стал одеваться так же, как они» [Газданов, 1996, т. 1, с. 487]. Эта «протеичность» героя вызывает неудовольствие другого русского рабочего, который всем своим обликом нарочито «отделяет» себя как интеллигента в костюме с университетским значком от фабричных; между русскими происходит дискуссия, в которой показателен аргумент «интеллигента», которым он пытается устыдить своего «протеичного» товарища, имеющего такой невыносимо «хулиганский и пролетарский вид» [Там же, с. 488]: «...Как же вы не понимаете, что все это (целесообразность рабочей одежды нарратора. – *В.Б.*) не важно, а важно сохранить человеческую сущность» [Там же]. Для денди, в отличие от теряющего вместе со сменой одежды свой социальный статус интеллигента, переодевание вовсе не означает такую потерю — и «человеческой сущности»; такой потерей окажется для него скорее «прозрачность» его публичного облика, его предсказуемость и ожидаемость (в мире денди синонимы банальности), его «разгадываемость» или – того хуже – «разгаданность».

Дендистское «хамелеонство» приводит к интереснейшему результату: денди не только обладает целым набором собственно дендистских амплуа (самые известные из них – денди-щеголь и денди-спортсмен), но может – как и подобает истинному хамелеону – исчезнуть, превратившись в неприметного разносчика газет или скромного чиновника. Таким образом, денди-властитель, обычно находящийся «под прицелом» сотен восхищенных или возмущенных (но никак не равнодушных) глаз, перемещается из абсолютного центра публичного внимания на столь же абсолютную периферию, примеряя на себя маску калифа, тайно исследующего жизнь своих подданных. Назовем эту дендистскую ипостась «денди-

сыщик» (и вспомним здесь Родольфа из «Парижских тайн» Э. Сю). Именно такое «исследование» и становится «скрытым» сюжетом НД: ночной таксист, неустанно рассматривающий изнанку Парижа, его дно, днем становящийся джентльменом и писателем. Но «хамелеонство» не должно быть абсолютным – и таксист порой преобразается и дает понять особо зарвавшемуся клиенту, что плоская картина очевидной реальности лишь занавес, за которым скрывается реальность иная. Очевидно, что в случае Газданова эта маска (и этот маскарад) становится вынужденным (работа таксиста – источник средств к существованию), однако, думается, отчасти именно сохранение дендистской самоидентичности позволило писателю «выжить» – и остаться писателем.

Отметим здесь же, что позиция наблюдателя и исследователя диктовала денди и свои императивы, в частности, специфический оптический инструментарий, позволявший «убить» сразу несколько зайцев: «...Дендистская изобретательность не знала границ. Разнообразные оптические приборы – очки, лорнет, монокль и бинокль – также служили своего рода средством модной маскировки. Позволяя рассматривать всех вокруг, они в то же время закрывали часть лица, обеспечивая преимущество наблюдателя» [Вайнштейн, 2006, с. 148]. Любопытно, что газдановский таксист, спрятанный за стеклом машины и в своей незаметности подобный честертоновскому почтальону, также использует машину как своеобразный инструмент, своего рода батискаф для погружения в глубины человеческого океана.

Еще одной дендистской особенностью является «эксклюзивизм», определяемый как «позиция превосходства, умение на каждом шагу подчеркивать свои отличия и преимущества перед другими. Члены «избранного общества» практикуют эксклюзивизм буквально во всем – и в стиле жизни, и в политических взглядах, и в этикете, акцентируя собственные элитарные правила в противовес обычаям и взглядам большинства» [Вайнштейн, 2006, с. 95]. Газдановские резкие ироничные отзывы о, казалось бы, незабываемых «столпах» литературы и политики (это в своей беседе хорошо описал А. Маршак [Газданов, 2009, т. 5, с. 444]), его подчеркнутая спортивность, его парадоксальный образ жизни, распадающийся на совершенно не схожие между собой дневную и ночную половины, могут, думается, служить хорошим примером такого дендистского «эксклюзивизма». Кроме того, важной особенностью дендистского мира (и, в сущности, аспектом «эксклюзивизма») являлось коллекционирование («Приметой модного человека было... пристрастие к дорогим сигарам и коллекционирование разнообразных курительных принадлежностей...» [Вайнштейн, 2006, с. 21]). Газданов как настоящий денди был страстным коллекционером; А. Бахрах писал об этом так: «...Было у него подлинное пристрастие к зажигалкам, электрическим бритвам, часам-браслетам» [Газданов, 2009, т. 5, с. 435]. Вспомним, что писатель был филателистом [Камбаров, 2003, с. 60].

Дендистская субкультура нуждается в «противнике». Таким противником выступает норма, воплощенная в понятии «пошлости». Бодлер писал об этом: «Как бы ни назывались эти люди – щеголями, франтами, светскими львами или денди, – все они сходны по своей сути. Все причастны к протесту и бунту, все воплощают в себе наилучшую сторону человеческой гордости – очень редкую в наши дни потребность сражаться с пошлостью и искоренять ее» [Бодлер, 1986, с. 305]. Как же это соотносится с поведением Газданова? Думается, саркастическую непримиримость Газданова можно трактовать как отражение дендистского «крестового похода» против пошлости; отметим, что особенное презрение писателя вызывает пошлость литературная (А. Маршак в беседе с Л. Диенешем говорит об этом так: «Он презирал всякую фальшь. Вот поэтому он презирал Андреева Леонида. Вот поэтому он считал Бунина хорошим, честным писателем...» [Газданов, 2009, т. 5, с. 449]). Другой очевидной (и типичной для дендизма) мишенью у Газданова становится буржуазность во всех ее проявлениях: от портретных ха-

рактистик буржуа в НД до тонких философских обобщений. Заметим, кстати, что именно упрек в буржуазности вызывает вспышку гнева у обычно хладнокровного героя-наблюдателя НД [Газданов, 1996, т. 1, с. 470].

Упомянем и о дендистском «стоицизме», который Бодлер так красноречиво описывал: «Денди может быть пресыщен, может быть болен; но и в этом последнем случае он будет улыбаться, как улыбался маленький спартанец, в то время как лисенок грыз его внутренности» [Бодлер, 1986, с. 304] (и далее: «Как мы видим, в некотором смысле дендизм граничит со спиритуализмом и со стоицизмом» [Там же, с. 304]). «Героический Газданов» (слова И. Бабеля), думается, обладал этим дендистским качеством; М. Слоним, например, писал: «...Во время немецкой оккупации Франции, без лишних слов, помогал резистантам и беглым русским военнопленным. Обо всем этом он избегал говорить не только по своей врожденной скрытности, но и из-за той мужской гордости, граничившей со стыдливостью, которая не позволяла ему ни жалоб, ни откровенных излияний – даже в самые тяжелые моменты» [Газданов, 2009, т. 5, с. 417]. Впрочем, биография писателя говорит здесь сама за себя: много лет работать ночным таксистом и продолжать успешно писать мог только истинный стоик.

Наконец сам атлетизм писателя также можно рассматривать как элемент модного дендистского образа, ведь именно денди, радикально изменив канон мужского костюма (и мужского образа), сделали спорт необходимым «аксессуаром» своей субкультуры: «Быть похожим на греческих богов или героев считалось высшим признаком мужской красоты. Двое самых влиятельных денди могли похвастаться сходством с Аполлоном... Благодаря культу античности в моде сложилась уникальная ситуация: представления об идеальном греческом теле диктовали новый силуэт костюму... <...> ...резко увеличивается верхняя часть фигуры, чтобы передать античные пропорции торса» [Вайнштейн, 2006, с. 112]. Вспомним здесь же другого знаменитого эмигранта, поэта Б. Поплавского, отличавшегося как своими атлетическими формами, так и своим оригинальным стилем поведения (вопрос о дендистской маске Поплавского кажется очень перспективным для исследования).

Попробуем резюмировать. Сопоставление образа Газданова (насколько он доступен для анализа по именуемым мемуарным источникам и автобиографическим произведениям) с канонами дендистской субкультуры дало, думается, слишком большое количество корреляций, чтобы оказаться случайным. Можно, кажется, утверждать, что именно дендистская «маска» была одной из ключевых в образе писателя Газданова, который в таком случае становится «законным наследником» братьев Гонкуров и Бодлера (вспомним здесь точную формулировку М. Ямпольского, касающуюся европейского искусства XIX в.: «Художник, вырабатывая для себя театрализованную культуру богемы или дендизма, принимает роль travestированного аристократа, тем самым активно включаясь во всеобщий социальный театр» [Ямпольский, 2000, с. 20]). Этот вывод позволит взглянуть иначе на многие аспекты художественной вселенной писателя, которые – через призму дендистского кода – будут поняты более ясно.

Литература

- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1982.
Барбе д'Оревильи Ж. О дендизме и Джордже Браммеле. М., 2000.
Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Бодлер Ш. Об искусстве. М., 1986. С. 283–315.
Боярский В.А. Идеальный «полнос» скептической вселенной: образ англичанина в творчестве Гайто Газданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (18). 2012. Ч. 1. С. 47–51.
Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2006.

Вайнштейн О. Материализация духа: К публикации на русском языке книги Д. Шиффера «Философия дендизма» // Шиффер Д. Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер). М., 2011. С. 5–16.

Вайнштейн О. О дендизме и Барбе д'Оревиля // Барбе д'Оревиля Ж. О дендизме и Джордже Браммеле. М., 2000. С. 5–15.

Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1996.

Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. / Под общ. ред. Т.Н. Красавченко. М., 2009.

Камболов Т.Т. Штрихи к портрету Гайто Газданова: письма матери // Дарьял. 2003. № 3. С. 54–75.

Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки по истории видения. М., 2000.